

Настоящая жизнь на Айновых островах

Интервью журналиста “Экостиль” с научным сотрудником Кандалакшского государственного заповедника Рюриком Григорьевичем Чемякиным

Корр: Рюрик Григорьевич! Мы немного осведомлены о Вашей жизни на Айновых островах. Видели немало Ваших фотографий птиц в книгах и на выставках. Знаем также, что какое-то время Вы работали лесником Кандалакшского заповедника, но при этом вели наблюдения за птицами и фотографировали. Расскажите, пожалуйста, сколько лет Вы провели на Айновых островах и с чего это началось?

Р.Г.: Для начала, видимо, нужно сказать, что о Кандалакшском заповеднике я узнал еще когда учился на биофаке Уральского государственного университета в Свердловске. Один из студентов старшего курса был здесь на практике и так соблазнительно рассказывал о работе в заповеднике, что мне захотелось немедленно поехать туда. И обстоятельства сложились так, что уже по окончании второго курса я перешел на заочное обучение и начал работать в заповеднике. Первый год я работал в Кандалакшском заливе Белого моря, на ближайших к Кандалакше островах, а уже в 1966 году был переведен (разумеется, при моем горячем согласии) на Айновы острова в Баренцевом море. Там уже три сезона работала научным сотрудником Иветта Павловна Татаринкова, под благотворную опеку которой я и попал (и нахожусь до сих пор!).

Корр: Расскажите, над чем, в основном, Вы работаете сейчас? Является ли это результатом Вашей работы на Айновых островах?

Р.Г.: На Айновых островах мы с Иветтой Павловной проработали до 2002 года. Все эти годы мы занимались сбором данных для Летописи природы, исследовали отдельные вопросы экологии птиц с последующей публикацией материалов в научной печати. В 90-е годы и в начале 2000-х условия работы заметно ухудшились: трудности с высадкой на острова и снятием с них, с закупкой и доставкой продуктов; отсутствие помощников - школьников и студентов, затруднения с информацией о чужих работах и с опубликованием собственных материалов. Да и возраст давал знать о себе. Так что уже начиная с 2002 года мы стали официально считаться работниками не научного отдела, а отдела Экологического просвещения, при музее. Я к этому времени вновь увлекся фотографией, которую оставил в начале 70-х, и видеосъемкой. Занятия эти оказались не менее увлекательными, и так же, как и научная работа, требующими терпения, труда и самоотдачи. Хотя - если со всей честностью - они все же в меньшей степени

Р.Г. Чемякин

соответствуют нашим жизненным устремлениям. В середине 2004 года, в связи с ухудшением здоровья, я уволился из заповедника, но, к счастью, не лишился возможности бывать в экспедициях. И как тут не вспомнить старую мудрость: «Все, что ни происходит - к лучшему». За последние годы я побывал в четырех полноценных, интересных для меня и очень плодотворных, экспедициях - по баренцевоморскому побережью и на заповедные острова востока Баренцева моря. Я рад, что наконец побывал на знаменитых птичьих базарах, с которыми я не был знаком, хотя проработал в заповеднике четыре десятилетия. И не просто побывал, а много фотографировал и снимал на видео. Правда, в какую-либо конкретную, осязаемую продукцию (например, книги, альбомы или фильмы) это, к сожалению, пока не вылилось. Будем надеяться, что «еще не вечер».

Корр: Произошли ли за эти годы какие-то заметные изменения в популяциях птиц на островах и видимые изменения в жизни моря?

Р.Г.: Изменения в жизни любой экосистемы происходят постоянно, из года в год. И те, кто имеет возможность наблюдать за такими явлениями, видят, что каждый новый год хоть в чем-нибудь да отличается от всех предыдущих. То вдруг появится какой-нибудь новый вид, то, наоборот, исчезнет - на время или навсегда. Например, в течение двух с лишним десятилетий мы полагали, что на Айновых островах не бывает лет с малым урожаем знаменитой айновской морошки. Но нет - в конце концов мы все же явились свидетелями почти полного отсутствия этой ягоды в некоторые годы. Или взять белух из отряда китообразных. За все сорок с лишним лет большие их стада (из нескольких сотен голов) отмечены в районе Айновых островов не более трех раз. То же происходит и с некоторыми видами птиц или с некоторыми группами насекомых. Но генеральная тенденция изменений в экосистемах нашего региона все же - увы! - отрицательная: биоценозы беднеют, количество видов и их численность неуклонно снижаются. И некоторые имеющиеся счастливые исключения не мешают общему тренду.

Корр: Какие научные темы и какие философские мысли более всего занимали Вас в те годы?

Р.Г.: О философских мыслях я, пожалуй, лучше помолчу. Не так уж много их было, увы! Что касается тем наших работ - их ведь было много на протяжении стольких лет. Когда человек занимается чем-то постоянно, обязательно возникает бесконечная череда вопросов, причем размножающихся в геометрической прогрессии. Одно время меня, к примеру, интересовала связь между магнитным полем Земли и ростом скелетных элементов у некоторых видов птиц. Еще несколько лет я занимался тем, что пытался выявить (и так и не выявил) ритмичность роста птенцов нескольких видов из отряда воробьиных.

Корр: Расскажите немножко о Вашем быте на островах. А также о наиболее запомнившихся особенностях их природы.

Р.Г.: Эта тема тоже достаточно обширна. О продовольствии. Продукты завозились весной на все лето. В основном на пограничных кораблях, реже - на катерах маячников. Еще реже - на вертолетах. О дровах. Как и в других подразделениях заповедника, источником дров у нас был так называемый плавник - бревна, выброшенные морем в течение предшествующих десятилетий. Заготовка дров всегда была для меня любимым - и романтичным - занятием. В первые годы, когда я был молод, я пригонял эти бревна в виде плотов. Позднее, с ходом моего взросления, а затем и старения, привозимые отрезки бревен все уменьшались и уменьшались и наконец превратились в нормальные 30-сантиметровые чурки, которые я перевозил на обычной весельной лодке. Что еще из быта? Была теплица, с огурцами и помидорами. Колодец, сделанный в стародавние времена монахами...

Из особенностей природы Айновых островов традиционно принято называть высокотравные луга. Я бы вспомнил еще плохую погоду, вечный ветер и - отсутствие комаров. В зимние месяцы - изнурительная тьма, бесконечные шторма и - фантастические сияния.

Корр: Всегда ли ездила с Вами Иветта Павловна, Ваша супруга, над какими темами Вам приходилось работать вместе?

Р.Г.: Каждый год. А темы наших занятий, как ни странно, пересекались меньше, чем можно было бы ожидать: обитателей на островах так много, и темы настолько разнообразны, что хватило бы на целые лаборатории и институты.

Корр: Что в наибольшей степени создавало там настроение? Что будило Вас по утрам?

Р.Г.: Создавала настроение, естественно, работа. Любимая работа. Мы и сейчас время от времени говорим: «Какие же мы все-таки счастливы! Как нам было хорошо целых сорок лет!» Все эти годы на Айновых островах я каждое утро просыпался с предощущением счастья.

Корр: Какая у Вас любимая птица? Расскажите что-нибудь о ней?

Р.Г.: Честно говоря, когда я в подростковом возрасте заинтересовался животными и вообще природой, в воображаемых картинах моей будущей жизни я видел отнюдь не каких-то «птичек». Мне мечталось, как я занимаюсь тиграми, рысями, волками, на худой конец - бобрами, зайцами. И, разумеется, сценой для всех этих увлекательных событий служил густой, непроходимый лес, тайга. Однако получилось так, что всю свою жизнь я провел на безлесных островах и объектом моего изучения были не звери, а как раз «птички», из млекопитающих же я имел дело только с тюленями. Однако, интересную птицу, привлекущую меня, я все же назову. Это олуша - недавний вселенец в наши края. Уж очень необычные у нее внешность, образ жизни и поведение. Хотя с интеллектом у нее дела, похоже, обстоят неважно. Правда, вплотную этой птицей я не занимался, а только снимал на фото и видео.

Корр: Приходилось ли Вам наблюдать там тюленей и других морских млекопитающих?

Р.Г.: Да, конечно. В основном, серых тюленей, которые зимой селятся на Айновых островах.

Корр: Скажите, докучали ли Вам ваши соседи по островам?

Р.Г.: Если вы имеете в виду людей, то таких соседей у нас не было. Были соседи только по заливу Варангер-фьорд - морские пограничники, но у нас о них только самые приятные воспоминания. Это были наши опекуны, помощники, друзья. Благодаря им мы в течение десятилетий были обеспечены транспортом и дружбой. Рыбаки - нарушители заповедности иногда докучали, но это было так редко и так давно, что уже затуманилось ностальгической дымкой времени и вспоминается почти с удовольствием.

Корр: А как насчет птиц? Например, птичий гвалт, нападения?

Р.Г.: Среди нескольких десятков гнездящихся на островах видов можно назвать четыре-пять видов, довольно бесстрашных, склонных к дракам, точнее, к избиению нарушителей границ их территорий. В первую очередь это поморники - большой поморник и малый, и полярные крачки. Меня же за эти годы больше всего ударила морская чайка: кровь появилась на голове, несмотря на то, что я был в меховой шапке. Правда, я уверен, что у нее не было такого намерения - ей тоже после этого удара было плохо. А вообще, избиение людей поморниками и полярными крачками - это обычное дело. Настолько обычное, что студенты, занимавшиеся изучением жизни этих видов, как правило, ходили по их территориям в строительных касках.

Корр: То есть бывали и неприятности! Скажите, а хотелось ли Вам возвращаться в Кандалакшу?

Р.Г.: Мне возвращаться в Кандалакшу, наверное, не хотелось никогда. Разве что в самые последние годы, когда одиночество стало переноситься хуже.

Корр: Кстати об одиночестве. Приходилось ли Вам одному зимовать на Айновых островах? По-моему, это уж очень сурово! Ночь, холод, без электричества... Сколько раз Вы испытали это, и как это переносится?

Р.Г.: Вопрос действительно интересный. Полностью на острове я не провел ни одной зимы. Провел, может быть, пару зим в посёлке Лиинахамари. Так что впечатления от зимы на этой широте у меня истинные, а вот такого длительного одиночества у меня не было. В одиночестве на острове за один "сеанс" я был самое большое около трех с половиной месяцев, а в сумме за все эти годы жил на острове в единственном числе года два - два с половиной. Каких-то очень уж особых впечатлений от полностью одинокой жизни у меня, пожалуй, нет. Хотя, конечно, такой образ жизни в нынешнее время необычен. Вообще говоря, я лучше всего себя чувствую, именно находясь один. Это наилучшее для меня состояние. И не оттого, что все остальные люди для меня противны. Просто быть одному для меня комфортнее всего. Как аналогия: я практически не пью кофе. Но не потому, что не люблю, а потому, что гораздо больше люблю чай. Кстати, я не думаю, что я в этом отношении (не кофе-чая, а - одиночества) уникален. Хотя, скорее всего, таких анахоретов вряд ли много. Любопытный факт. Раньше я предполагал, что в старости буду любить одиночество еще больше, что это будет для меня просто привычным состоянием. Оказалось - нет. Все наоборот. На шестом десятке переносить одиночество стало труднее. С каждым разом стало требоваться все больше времени, чтобы втянуться в безлюдье. А в последний раз понадобилось, помнится, около месяца. Возможно, это связано с осознанием приближения смерти, окончания жизни. Каждый раз как бы происходит "моделирование" предстоящей смерти. Не знаю, как это бывает у других. Надо будет поискать что-нибудь на эту тему. Сам я, конечно, размышлял об этом. Но не так уж настойчиво.

Уточню, это я говорю об одиночестве полном и непрерывном. А если бывают время от времени гости, даже недолго, хотя бы минуты, это совсем другое.

Корр: Расскажите, пожалуйста, какой-нибудь интересный эпизод из Вашей жизни там.

"На семидесятой параллели"

Кольский Центр Охраны Дикой Природы подготовил к печати новую книгу-фотоальбом о природе Севера – «На семидесятой параллели». Ее автор – профессиональный зоолог Рюрик Чемякин, более сорока лет проработавший на Кольском полуострове на островах и побережье Баренцева и Белого морей.

Данная книга – редкость в отечественной анималистической литературе. Часто в подобных изданиях бывает много фотографий и мало текста или, напротив, обширный текст сопровождается скромным числом снимков. Здесь же почти каждая из нескольких сот фотографий снабжена развернутым комментарием, биологически точным и одновременно лиричным. Заметно, что автору хочется как можно больше сказать о героях своих съемок. Деликатное отношение автора ко всем окружающим его птицам, растениям, зверям лишней раз подчеркивает мысль, что современному человеку считать себя царем природы, по крайней мере, неэтично, в то время, как общение на равных, напротив, делает его выше, обогащает.

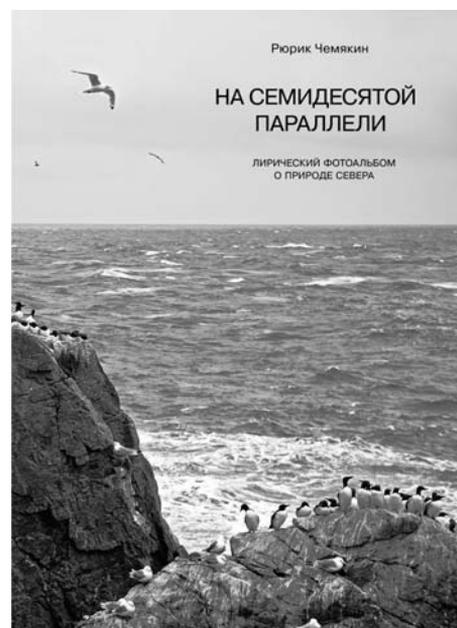
И конечно же, приятно отметить, что место действия книги – милый для многих людей Север, подчас неосознанно, но горячо ими любимый, с его неяркой, сдержанной, но несомненной красотой.

Р.Г.: С одной стороны, случаев разных вроде было много, но в то же время, ничего такого уж особенно яркого что-то и не припоминается. Немножко тонул, немножко травмировался, немножко пугался. Но все какое-то не стоящее упоминания. Не будешь ведь расписывать, как, например, нес на плече по влажному берегу бревешко, поскользнулся, упал лицом в лужу, а в довершение получил по затылку догнавшим меня грузом. Было, по Пушкину, - "и больно, и смешно". Или как убежал от мамы-тюленихи, охранявшей детеныша. Изображая ее соседку, я завернулся в плащ и подползал, похлопывая рукой, словно ластом, себя по боку. В конце концов она кинулась на меня с такой прытью, которой вроде бы никак нельзя было ожидать от этого классического символа неуклюжести. Теперь я стал знать, что тюлень, при нужде, может бежать со скоростью не менее 10-15 километров в час.

Корр: Рюрик Григорьевич, мы были заинтересованы в Вашем появлении на наших страницах, так как само название нашего журнала соответствует тому образу жизни, который вы с Иветтой Павловной когда-то избрали для себя и которому остались верны. Мы надеемся на продолжение нашего сотрудничества. Может быть, Вы могли бы предложить какие-то материалы для нашего журнала?

Р.Г.: Прошу прощения, но я человек, мягко говоря, не очень публичный. Не эскапист, конечно, но явно склонен к этому. Попытайтесь привлечь Иветту Павловну, она менее дика, чем я. И пишет, на мой взгляд, вполне неплохо.

Корр: Ну что ж, спасибо, Рюрик Григорьевич, за интересное интервью. Желаем поскорее увидеть опубликованной Вашу книгу, о которой мы только что узнали!

Формат 213 x 285 мм, объем 224 страницы. Имеются русский и английский варианты.

Приглашаем желающих к участию в финансированию издания!